Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 243–256.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2022. 67. pp. 243–256.

Научная статья
УДК 32.019.5
doi: 10.17223/1998863X/67/21

«НАСТЯ НЕ МИГРАНТ, НАСТЯ НАША». МИГРАНТЫ ИЗ РОССИИ В СЛОВАЦКОМ МИГРАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

Радослав Штефанчик[1], Терезия Шерешова[2]

[1, 2] *Экономический университет в Братиславе, Братислава, Словакия*

[1] *radoslav.stefancik@euba.sk*

[2] *terezia.seresova@euba.sk*

Аннотация. Международная миграция – относительно новая тема в словацком политическом дискурсе. Словацкие политики начали обсуждать миграцию только в 2015 г., в основном негативно. И это несмотря на то, что миграция может иметь также положительные последствия для принимающей страны. Одним из примеров тому могут послужить спортивные достижения эмигрантки из Российской Федерации А. Кузьминой. Нас интересует вопрос о том, как мигранты из России расцениваются в словацком миграционном дискурсе. Из-за специфических особенностей мигрантов из Российской Федерации, таких как родство языков, близость религий и культур, субъекты миграции могут быть положительно восприняты местным обществом. Социально-экономический статус мигрантов также влияет на позитивное отношение к мигрантам из России. Исследование проводилось посредством дискурс-анализа, который был завершен в октябре 2021 г.

Ключевые слова: миграция, интеграция, дискурс, Словакия, Россия

Благодарности: Данный текст написан в рамках проекта VEGA 1/0344/20.

Для цитирования: Штефанчик Р., Шерешова Т. «Настя не мигрант, Настя наша». Мигранты из России в словацком миграционном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 243–256. doi: 10.17223/1998863X/67/21

Original article

“NAST’A IS NOT A MIGRANT, NAST’A BELONGS TO US!”. MIGRANTS FROM RUSSIA IN SLOVAK MIGRATION DISCOURSE

Radoslav Štefančík[1], Terézia Seresová[2]

[1, 2] *University of Economics in Bratislava, Bratislava, Slovakia*

[1] *radoslav.stefancik@euba.sk*

[2] *terezia.seresova@euba.sk*

Abstract. International migration is a relatively new topic in Slovak political discourse. Slovak politicians started discussing migration only in 2015, and in an extremely negative way. Most Slovak politicians saw the migration processes in 2015 and 2016 as a threat to domestic cultural and national identity, even though Slovakia was not a destination country for refugees from Africa and the Middle East during this period. Slovak politicians have stressed the need to defend the country against migration processes, even though the number of migrants residing in Slovakia is gradually increasing. At the same time, 2015 can be seen as the beginning of a migration discourse that involved not only politicians but also the general public. Until this period, migration was mostly discussed by academics and

© Р. Штефанчик, Т. Шерешова, 2022

scientists. In our article, we focus on a particular group of migrants as an object of migration discourse. These are migrants with origins in the Russian Federation. We choose this group to find out how a group of migrants who are not distinguished from the majority society by physiognomic features or by a different religion or culture is presented in political discourse. We are interested in answering the question of how migrants from Russia are presented in Slovak migration discourse. We believe that due to the specific characteristics of migrants from the Russian Federation, such as related language, religion, and culture, some migrant groups are perceived neutrally or positively by the domestic political elite as well as by the majority of society. In addition to the above-mentioned characteristics, the socio-economic structure of Russian migrants also influences the positive perception of migrants originating in Russia. There are several successful businessmen, scientists, academics, and sportsmen among the migrants from Russia with long-term residence in Slovakia, which has the same influence on their overall perception by the domestic society. We arrive at our findings through discourse analysis. The corpus under study consists of publicly available texts and statements published in media, in parliamentary debates, and on social media. We included in the corpus texts that were published until October 2021. We completed the research in October 2021, so our conclusions do not include any changes in migration discourse after that date. Although the perception of migrants as a threat prevails in Slovak migration discourse, we argue in this article that until October 2021 migrants from the Russian Federation were not presented as a threat in public discourse. On the contrary, using the example of biathlete Anastasiya Kuzminova's achievements, the discourse can even observe the marginalisation of her migrant background. Thus, the successes of some migrants of Russian origin may have an impact on the creation of a positive image of the entire national category of migrants. The article points out that the ability of migrants to integrate into the autochthonous society is an important factor in the attitude of the native population towards immigrants, although the topic of integration is marginalised in the Slovak migration discourse. Russian migrants are well integrated in Slovakia; there are no reports of possible problems with their integration. We consider the recognition of Russians living in Slovakia as a national minority to be important in the perception of Russian immigrants so that the domestic public can perceive Russian immigrants as an autochthonous part of society.
Keywords: migration, immigration, discourse, Slovakia, Russia

Acknowledgments: The study is supported by Project VEGA 1/0344/20.

For citation: Štefančík, R. & Seresová, T. (2022) "Nast'a is not a migrant, Nast'a belongs to us!". Migrants from Russia in Slovak migration discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 67. pp. 243–256. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/67/21

Введение

Словакия как независимое государство и как часть Чехословакии была типичным государством эмиграции на протяжении всего XX в. Со вступлением Словакии в Европейский Союз в 2004 г. ситуация в сфере международной миграции постепенно меняется. Из первоначально эмигрантского государства Словакия превращается в страну с ежегодно растущим числом иммигрантов. Несмотря на эту тенденцию, тема долгое время оставалась вне основного политического дискурса. Серьезный поворот в миграционном дискурсе произошел только после того, как в 2015 г. большая волна беженцев направилась в европейские страны. Тема миграции в этот период остро обсуждалась словацкими политиками. За некоторыми исключениями мигранты представлялись с негативной стороны, обычно как угроза безопасности страны. С ростом значения темы миграции в политическом дискурсе мы также наблюдаем постепенную трансформацию того, как общество воспринимает концепцию мигранта. Если до 2015 г. этот термин воспринимался общественностью довольно нейтрально, то после 2015 г. он начинает приобретать негативный оттенок.

В описанной ситуации мы наблюдаем интересный феномен в словацком политическом дискурсе. В то время как мигранты из культурно различающихся стран расцениваются как угроза безопасности, жители стран, близких по культуре / близких по ментальности и культуре, обычно вообще не воспринимаются как мигранты. Эту ситуацию прекрасно иллюстрируют дискуссии в социальной сети Facebook, в которых регулярно появляется утверждение «Настя не мигрантка, Настя наша». Эти слова отражают тот факт, что мигрант – это любое лицо, решившее на определенное время или навсегда поселиться в государстве, совершенно отличном от страны его происхождения.

Хотя Российская Федерация считается скорее местом назначения для иммигрантов, эмиграция из России – не новое социальное явление. В 1990-е гг. мы стали свидетелями миграции российских евреев в Израиль, русских немцев в Федеративную Республику Германия или русских греков в Грецию [1]. В условиях экономической и политической трансформации Российская Федерация, в частности, переживала трудовую миграцию, которая сохраняется и до сих пор [2]. Среди эмигрантов большое количество людей с высшим образованием и высококвалифицированных специалистов. По мнению Г.Б. Прончева, И.В. Кузнецовой и И.В. Колодезниковой [3], уровень образования российских эмигрантов выше среднего уровня образования населения России, а также стран-получателей. Помимо упомянутых выше Германии и Греции, другие европейские страны также входят в число стран назначения эмигрантов из России. И это не всегда экономически сильные государства, наоборот, небольшие государства, менее успешные в политическом и экономическом плане, становятся для некоторых россиян странами назначения миграции.

Цель нашего исследования – выяснить, как иммигранты из Российской Федерации рассматриваются в словацком публичном дискурсе. При обсуждении России в Словацкой Республике обычно высказываются две противоположные точки зрения – положительная и отрицательная. Но это явление не является исключительным, подобные противоречивые мнения высказываются в публичных дебатах и при обсуждении других стран, например США, Германии, Венгрии, Украины или даже Чехии. Вопрос прежде всего в том, влияет ли мнение о политическом режиме России на мнение об эмигрантах из этого государства. В своем рассуждении мы исходим из тезиса, что оценка политической ситуации в России не влияет на формирование политического дискурса о русских иммигрантах. На восприятие русских мигрантов, проживающих в Словакии, влияют другие факторы. В их числе, безусловно, успешная работа, например Анастасии Кузьминой, иммигрантки из Российской Федерации, представлявшей Сборную Словакии по биатлону. В дополнение к этому общеизвестному факту мы попытаемся выявить в тексте другие факторы, которые могли повлиять на восприятие словацкой общественностью русских иммигрантов, длительно проживающих в Словакии. Мы считаем социально-экономический статус мигрантов и успешный процесс интеграции в основное общество решающими факторами, которые влияют на то, как коренное общество воспринимает мигрантов.

Методологические и теоретические предпосылки исследования

Нами сделанные выводы были достигнуты за счет анализа политического дискурса. Согласно голландскому автору ван Дейку [4], при исследовании

дискурса прослеживаются две основные категории методов исследования: квалитативные и квантитативные. К числу первых относится, например, изучение различных типов речевых актов, нарративов, форм вербальной интеракции, а также исследование конкретных лингвистических жанров, помимо прочего, политической журналистики либо парламентских дебатов. Во вторую группу ван Дейк включает методы исследования длинных, объемных текстов посредством современных корпусных инструментов, экспериментальные психологические и этнографические методы обработки материала в его социальных и культурных контекстах. С той же перспективы можно рассматривать и разграничение методов исследования миграционного дискурса. В нашем исследовании мы применяем комбинацию квантитавного и квалитативного подходов. В первую очередь, обратившись к инструментам Словацкого национального корпуса, мы нашли тексты, посвященные теме миграции из России. Словацкий национальный корпус представляет собой наиболее крупный корпус текстов в Словакии, он содержит все полученные и обработанные корпусом тексты, опубликованные либо написанные после 1955 года, т.е. 1 455 млн слов. Используя ключевые слова, мы выбрали из числа настоящих текстов те, которые связаны с нашей проблематикой, и подвергли их квалитативному дискурс-анализу. Также пришлось осуществить селекцию текстов, поскольку среди них оказались тексты о русских мигрантах в других государствах (зачастую попадались тексты о русских мигрантах в Израиле) и научные тексты. Помимо Словацкого национального корпуса, при поиске высказываний в адрес русских мигрантов мы воспользовались поисковой системой blbec.online, способной осуществлять поиск среди 22 млн комментариев, опубликованных в социальной сети Facebook.

По словам ван Дейка [5], существует множество способов, как анализировать миграционный дискурс посредством квалитативного дискурс-анализа. Некоторые исследования направлены лишь на один аспект дискурса, например на структуры и использование некоторых средств выражения. Более общая методология исследования миграционного дискурса предлагает обобщенное и систематическое рассмотрение различных уровней и структурных параметров дискурса и его применения, а также функций в социальном и политическом контексте [5. С. 231].

В исследовании использован анализ политического дискурса в форме квалитативного анализа опубликованных текстов. Мы не обращаем внимания на частотность употребления отдельных высказываний, связанных с миграцией, а также не заостряем внимания на лингвистическом понимании дискурса, т.е. не замечаем конкретных средств выражения, используемых в дискурсе, а скорее занимаемся содержанием политических выступлений и их использованием в конкретном социальном и культурном контексте. Нас интересует, что говорят политики и общественность о миграции русских и деятельности этой категории иммигрантов в словацком обществе. Также занимает ответ на вопрос, говорится ли в рамках настоящего дискурса о проблематике интеграции, поскольку не только мы, но и другие авторы [6, 7] считают дискуссию об интеграции иммигрантов частью миграционного дискурса.

В исследуемый корпус входят тексты, которые были опубликованы в словацких СМИ, а также высказывания общественных деятелей и отдельных личностей, размещенные в социальных сетях. Следовательно, мы принимаем

во внимание высказывания не только политиков, но и частных лиц. Мы отталкиваемся от определения ван Дейка [4], согласно которому в число участников политического процесса входят не только политики-профессионалы. Политические процессы затрагивают широкий спектр граждан. В этот процесс вовлечены не только политики, но и различные виды организаций и учреждений, и не в последнюю очередь – широкая общественность.

Одной из возможностей исследования миграционного дискурса Ван Дейк [5] называет анализ парламентских дебатов. Проблемой настоящего подхода в случае Словакии является отсутствие у политиков интереса к обсуждению в парламенте вопроса иммиграции русских граждан. И по этой причине мы включаем в анализ политические высказывания, сделанные прежде всего за пределами парламента, свое внимание также направляем на прочих акторов общественной жизни, таких как СМИ и общественность. При осуществлении анализа политического дискурса по данной проблематике воспользуемся также инструментами поиска Словацкого национального корпуса.

Миграционный дискурс – это политический дискурс не только потому, что он воспроизводится политиками или содержится в политических документах. Это политическое явление, потому что является частью понимания национальной идентичности и определения сообщества. Ван Дейк [5] подчеркивает, что миграционный дискурс касается не только миграции, но также может быть важной частью миграции как явления. Современные исследования дискурса указывают на то, что дискурс – это не только форма использования языка, но также форма социального и политического взаимодействия. Согласно Ван Дейку [4], действующими лицами политического дискурса являются не только политики, но и представители неправительственных организаций, академики и ученые. И хотя эти группы влияют на дискурс, они не заинтересованы в получении политической власти посредством своих заявлений. Миграционный дискурс включает в себя не только подходы к миграции в целом, но и к отдельным группам по различным критериям: религии, этнической принадлежности, национальности или принадлежности к определенному географическому региону (например, Аравийскому полуострову или постсоветскому региону). В нашей статье мы также выбрали этот подход для анализа миграционного дискурса в сфере миграции населения Российской Федерации в Словакию.

Эмиграция в Словакию из России

В конце 2020 г. в Словакии было зарегистрировано 150 012 иностранцев с видом на жительство, что составляет менее 2,8 процента от общей численности населения. Из этого числа 90 806 были иностранцами из стран за пределами Европейского союза. Из этих стран большинство (42 162) были родом из Украины, за ними следовали граждане Сербии (16 005), Вьетнама (6 798), России (5 658) и Китая (2 695) [8].

Хотя общая численность населения российского происхождения, долгое время проживающего в Словакии, по меркам Словакии невелика, Россия является четвертой по величине страной происхождения в категории стран за пределами Европейского союза по количеству иммигрантов. В отличие от миграции между Востоком и Западом, миграция между Чехословакией и Со-

ветским Союзом существовала еще до 1989 г. В период с 1948 по 1989 г., помимо политических условий, миграция поддерживалась и другими факторами. В основном речь шла о возможности учиться и работать в Советском Союзе, и наоборот, в Чехословакии, что впоследствии проявилось в заключении браков между русскими иммигрантами и словаками. В период 1948 и 1989 г. в Словакии проживало множество выдающихся русских. Среди их числа были ученые, известные архитекторы, художники и преподаватели.

Еще до распада Советского Союза советским солдатам пришлось покинуть Чехословакию. В этот период все более распространенными становятся браки словацких мужчин с женщинами из бывшего Советского Союза, которые были заинтересованы в том, чтобы остаться на территории бывшей Чехословакии. Однако выявить участников этих фиктивных браков по их принадлежности к государствам – правопреемникам Советского Союза сегодня чрезвычайно сложно. С.В. Рязанцев и С.Ю. Сивоплясова [9] считают миграцию русских женщин с целью экстрадиции особым «социокультурным феноменом». Несмотря на развод, эти женщины не возвращаются в страну происхождения, а пытаются найти нового мужа и таким образом остаться в стране назначения миграции. Как видно из таблицы, браки членов большинства словацкого общества с гражданами Российской Федерации продолжаются и сегодня. Однако речь идет исключительно о браках словацких мужчин с русскими женщинами, а не наоборот. Согласно имеющимся данным за период с 2004 по 2018 г. Россия была пятой страной после Чехии, Украины, Польши и Венгрии с наибольшим количеством женщин, состоящих в браке со словацкими мужчинами. Что касается браков между словацкими женщинами и русскими мужчинами, Россия не входит в группу первых 35 стран эмиграции словацких женщин, несмотря на то, что они имеют больше шансов найти партнера за границей, чем словацкие мужчины. Нельзя исключать существование браков между русскими мужчинами и словацкими женщинами, но вполне вероятно, что большинство из них заключаются на территории Российской Федерации.

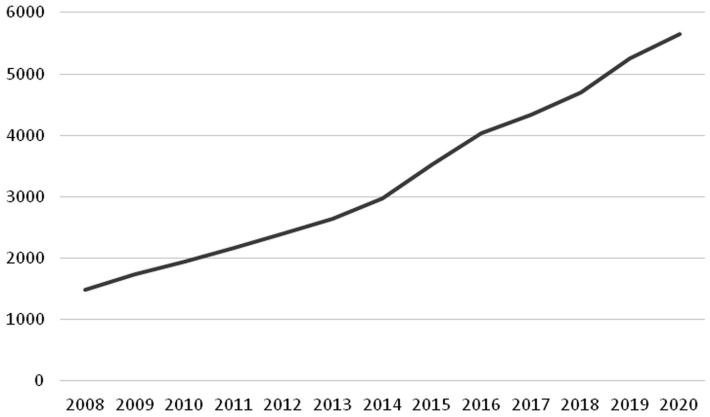
Количество браков между словацкими мужчинами и российскими женщинами на территории Словацкой Республики с 2007 по 2018 г.

2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
29	21	31	39	42	43	39	43	50	54	55	61

Источник [10].

Как видно из рисунка, в последние годы в Словакии мы наблюдаем постепенный рост количества мигрантов из Российской Федерации. В 2020 г. рост количества российских мигрантов был более медленным по сравнению с прошлым годом, не исключено, что основной причиной тому стала пандемия COVID-19. Однако если мы посмотрим на предыдущие годы, то увидим, что в 2020 г. прирост мигрантов из России составил 401 человек, что в среднем больше, чем в предыдущие годы (с 2008 г. прирост мигрантов в среднем составлял 345 человек в год). Мигранты из России приезжают в Словакию индивидуально, а предпринимательская деятельность и семейная жизнь являются двумя главными мотивами их приезда. Для этой группы мигрантов свойственно превалирующее число женщин, составляющих 55,4% от общего количества русских, живущих в Словакии. По сравнению с другими группами мигрантов в русском сообществе преобладают лица в возрасте с 34 до

49 лет, лица с уже оконченным образованием и определенной профессиональной квалификацией [11].



Количество российских мигрантов в Словацкой Республике. Источник [8]

Легально прибывающих мигрантов из России можно разделить на четыре основные группы: мигранты с бизнес-намерениями, трудовые мигранты, студенты и мигранты с целью воссоединения семей. Однако точная категоризация этих групп затруднена из-за отсутствия соответствующей статистики. Согласно подсчетам Центрального управления труда, социальных дел и семьи, из 401 мигранта, прибывшего в Словакию из Российской Федерации в 2020 г., 250 человек получили вид на пребывание для работы. Рост числа российских мигрантов, проживающих в Словакии, также связан с постепенным переходом временной миграции в долгосрочную. В основном к этой группе мигрантов относятся студенты, которые ищут возможность для трудоустройства в Словакии после учебы. А.А. Байков и др. [12] отмечают, что молодые россияне, которые после школы решили продолжить свое обучение в университетах других стран, впоследствии ищут другие способы остаться за границей на более длительный период или навсегда.

Изменения в словацком миграционном дискурсе. Изучение политического дискурса, как и других областей дискурсивного анализа, охватывает широкий круг различных тем и использует широкий спектр аналитических методов. Согласно Уилсону [13. С. 410], одна из основных целей анализа политического дискурса – выявить способы манипулирования языком для достижения определенной задачи.

Словацкие политики стали говорить о миграции начиная лишь с 2015 г., находясь под влиянием миграционных процессов того времени. До 2015 г. в Словакии практически не существовало политического миграционного дискурса. Изначально о миграции говорилось прежде всего в кругу ученых и академиков, но не среди общественных масс. Политические программы содержали малейшие упоминания о миграции, а если политики и обращались к этой теме, то, как правило, не получали заметной реакции общественности.

С тех пор как в 2015 г. словацкие политики открыли тему международной миграции, они представляют ее как некую угрозу. Вопросам безопасности посвящены многие критические исследования, стремящиеся углубить и расширить классический государственно-центристский подход и демонстри-

рующие другие аспекты безопасности. Чрезвычайно активными в этом направлении являются представители Копенгагенской школы – Барри Бьюзен, Оле Вэвер и Яап де Вильд [14]. Представители Копенгагенской школы делают переоценку многих аспектов привычного понимания концепта безопасности, интерпретируя и анализируя ее как речевой акт [15]. По словам автора, безопасность ведет себя не как знак, отправляемый референту, а как некое действие, выполняемое за счет высказывания. Следовательно, конкретное высказывание одновременно является и действием. Государство в вопросе безопасности не играет роли пассивного наблюдателя. Напротив, перемещает развитие в более конкретную область, тем самым получая право пользования любыми средствами для его элиминации [16]. Вдохновившись идеями представителей Копенгагенской школы, А. Джерард [16. С. 39; 17] определяет секьюритизацию как «дискурсивные процессы, порождающие угрозу существования, которая впоследствии требует ответа по безопасности». В том же свете с 2015 г. представляют миграцию и словацкие политики. Из их уст звучат требования элиминировать либо полностью остановить миграцию, лучше позаботиться о защите границ, усилить полномочия полиции, ввести более строгую политику в отношении беженцев и автоматическую депортацию мигрантов, которые нарушат закон в принимающем их государстве. В политических высказываниях доминирует мысль о том, что мигранты – это только те лица, которые приезжают в Словакию из различных стран с заметными различиями культурного и религиозного характера, в связи с чем их культура несовместима со словацкой культурой.

Мигранты из России в словацком миграционном дискурсе

По мнению С.В. Рязанцева [17], русские, проживающие за рубежом, представляют собой очень разнообразную этническую, религиозную, социальную и политическую группу населения [17, 18]. Во многих странах назначения мигранты хорошо интегрировались в общество коренных народов, при этом наиболее успешно прошел процесс интеграции мигрантов первого поколения. Близость культур и языков (русский язык как лінгва франка в Восточной Европе до 1989 г.) способствовала интеграции русских иммигрантов в словацкое общество без каких-либо сопутствующих проблем, наблюдаемых среди мигрантов других национальностей, этнических групп, культур или религиозных общин. Хотя, по мнению Рязанцева [17], русские эмигранты пытаются отказаться от некоторых проявлений национальной идентичности, культурная деятельность русских эмигрантов в Словакии свидетельствует об их чрезвычайно активной культурной жизни. В Словакии есть несколько русских ассоциаций, общественных объединений и культурных центров. Однако в прошлом русские иммигранты были более активными. Постепенный спад в области различных русских культурных сообществ русский иммигрант и бывший сотрудник Словацкой академии наук Александр Чумаков объясняет отсутствием интереса «новых» русских к группированию в рамках культурных сообществ. По его словам, есть разница между русскими иммигрантами, приехавшими в Словакию еще до Второй мировой войны преимущественно по политическим причинам, и так называемыми новыми русскими, приезжающими в Словакию после 1989 г. исключительно по экономическим причинам.

«*Довоенные эмигранты стремились держаться вместе, чтобы не забыть язык и культуру. У „новых“ русских такой мотивации нет, что и понятно. Когда они затоскуют по родине, то просто купят авиабилет и спустя пару часов окажутся в России*»[1].

Согласно Ван Дейку [5], одной из важных характеристик, описываемых в семантике дискурса, является способ словесного охватывания объекта дискурса. Если мы говорим конкретно о миграционном дискурсе, мы выделяем в нем несколько общих терминов, которые относятся к субъектам миграционных потоков, а именно к «мигрантам», «иммигрантам», «чужестранцам», «беженцам» или «иностранцам» в целом. В дополнение к этим общим именам мы также можем найти более конкретные имена в дискурсе миграции, либо в зависимости от религиозной принадлежности – «мусульмане», либо в зависимости от национальности – «сирийцы». В случае с мигрантами из Российской Федерации С.В. Рязанцев [17] называет несколько терминов, используемых в странах назначения миграции: «Русские», «эмигранты из России», «жители с русскими корнями», «рожденные в России», «эмигранты из России». Мы, безусловно, согласны с мнением, что термин «русская диаспора» не подходит для описания русских мигрантов в мире, включая Словакию. В Словакии для обозначения этой группы иностранцев использовались стандартные термины: «мигранты из России», «русские мигранты», а в настоящее время – «русское меньшинство в Словакии». Однако мы имеем в виду термины, относящиеся к миграционным корням, которые употребляются в основном в академической сфере. Такие термины, как «мигрант» или «миграция», приобрели негативный оттенок в публичном дискурсе Словакии после 2015 г. В сегодняшних публичных дебатах термин «мигрант» часто понимается как выходец из разных – в культурном или религиозном отношении – государств или служит выражением для обозначения людей с другим цветом кожи. Поскольку эти характеристики не подходят для мигрантов из Российской Федерации, в литературе используется термин «русское меньшинство». В 2005 г. русские получили признание в Словакии как национальное меньшинство [19].

На нейтральное или позитивное восприятие мигрантов из России местным населением Словакии влияет несколько факторов. Первый – это культурное, религиозное и языковое родство словацкого и русского народов. Русские принадлежат к категории мигрантов, терпимых в Словакии как политической элитой, так и общественностью («*Русские в Словакии – не иностранцы, они наши*»[2]). Дискурс Словакии отражает потребности в контролируемой миграции, одновременно поддерживая миграцию представителей культурно и религиозно связанных народов, т.е. славян и христиан. Сторонниками этой идеи были политические деятели разного политического или идеологического статуса. Примером может послужить заявление бывшего министра внутренних дел Даниэля Липшица, который поддержал идею управляемой миграции из стран, связанных с культурой Словакии:

[1] Jancura V. *Aké to je byť Rusom na Slovensku*. Pravda, 6.10.2012. URL: https://spravy.pravda.sk/domace/clanok/250755-ake-to-je-byt-rusom-na-slovensku (дата обращения: 24.09.2021).

[2] Televízia Prievidza. *Ruská komunita na Slovensku*. Televízia Prievidza, 12.11.2012. URL: https://www.youtube.com/watch?v=yNw90SuYLDw (дата обращения: 30.10.2021).

«*В Словакии также наблюдается демографический кризис, поэтому было бы разумно рассмотреть вопрос о легальной миграции образованных людей из близких по культуре стран*»[1].

Второй фактор напрямую связан с первым. Это способность мигрантов из России интегрироваться в коренное общество без проблем (как, например, при иммиграции членов некоторых культурных или религиозных сообществ). Благодаря взаимосвязи культур, религии и языка русские мигранты могут легко адаптироваться к словацким традициям. Умение общаться и знание языка считается одним из важнейших критериев успешной интеграции [20]. Конечно, интеграция не означает ассимиляцию, и российские мигранты не утрачивают свою культуру. Приверженность к русским традициям, скорее, обогащает словацкие традиции, но не воспринимается как препятствие для успешной интеграции. Именно культурная близость является решающим критерием принятия этой категории мигрантов политиками, которые крайне негативно относятся к проблеме миграции.

Несмотря на то что языковая и культурная близость положительно воздействует на восприятие данной группы мигрантов словацкой общественностью, словацкие ученые [11] отмечают, что в настоящем случае интеграция может превратиться в ассимиляцию. Для иммигрантов из государств Восточной и Юго-Восточной Европы, в первую очередь из Украины и России, характерно стремление остаться незамеченными. Мигранты из этих государств пользуются близостью своих физических черт и быстрым освоением языка автохтонного населения, чтобы смешаться с обществом и стать «невидимыми». Веской причиной такой стратегии является недоверие к формальным институтам и стремление избежать связи с государственными учреждениями. Авторы утверждают, что в особенности у мигрантов из России была замечена склонность к негации собственной культурной идентичности и стремление адаптироваться к культуре или социальным обычаям мажоритарного общества. Организации, объединяющие мигрантов, занимаются больше культурными мероприятиями, нежели решением социальных проблем.

Третьим фактором нейтрального или положительного восприятия русских мигрантов является статус и реноме некоторых личностей русского происхождения. Многие российские мигранты происходят из экономической, интеллектуальной и спортивной элиты. В дискурсах о миграции часто упоминается, что мигранты воспринимаются местным населением как экономическая угроза. Действительно, коренные жители могут воспринимать мигрантов как конкурентов на рынке труда или как людей, рассчитывающих на социальную помощь. Иностранные рабочие как источник дешевой рабочей силы могут повлиять как на рост внутренней безработицы, так и на снижение средней заработной платы в тех экономических областях, где высокая занятость иностранных рабочих. Этот аргумент приводится и в миграционном дискурсе, когда обсуждаются, например, украинские мигранты или иностранные рабочие из Сербии, Болгарии или Румынии. В дискурсах об эмигрантах из России этот аргумент отсутствует. Многие российские мигранты имеют хорошее экономическое положение. Некоторые русские эмигранты

[1] Lipšic D. Smrť imigrantom môžu želať len duševní maloroľníci. Denník N, 8.9.2015. URL: https://dennikn.sk/235306/smrt-imigrantom-mozu-zelat-len-dusevni-malorolnici-7-poznamok-k-utecencom/ (дата обращения: 24.09.2021).

открывают собственные компании, создавая рабочие места и для местного населения. Российских предпринимателей привлекает в Словакии не только дешевая недвижимость, но и ограничительная политика в отношении беженцев и, что не менее важно, возможность общаться на своем родном языке.

«*Русским общаться в Словакии лучше, чем в Венгрии или Австрии. Еще одно преимущество Словакии – это отношение к беженцам. Премьер-министр Роберт Фицо решительно отвергает беженцев, вы не принимаете их, и мы не можем сказать этого об Австрии. Там их очень много. Экономика Словакии продолжает преуспевать, недвижимость и услуги дешевле, чем в Москве или Санкт-Петербурге*»[1].

Миграционные потоки из России включают также миграцию интеллигенции – университетскую элиту. Этот вид миграции из Российской Федерации имеет многолетнюю традицию в Словакии. Например, одним из основоположников современной словацкой социологии была уроженка Москвы Далибар Алиева. В течение многих лет она работала в редакционной коллегии словацкого научного журнала «Социология», была первооткрывателем в исследованиях повседневной жизни как объекта социологического исследования, ее структур и процессов, которые повлияли на развитие словацкой социологии.

Словацкие ученые [21] представили результаты исследования миграционных процессов и их интеграции на словацкий рынок труда. Оно показало, что до 70% русских мигрантов, проживающих в Словакии, были выпускниками университетов, менее четверти – имели аттестат о среднем образовании. Согласно этому исследованию самой веской причиной выбора Словакии в качестве страны назначения были прямые или опосредованные возможности трудоустройства. Многие мигранты из России остались работать в Словакии после окончания учебы в местных университетах. Ищут работу в Словакии и русские женщины-мигранты, которые приехали в первую очередь для воссоединения или создания семьи.

Считаем необходимым отметить исключительно успешную карьеру словацкой биатлонистки российского происхождения Анастасии Кузьминой. Представитель сборной Словакии по биатлону, она завоевала первую для Словакии золотую медаль на зимних Олимпийских играх. Именно на этом примере мы можем наблюдать, что словаки могут иметь диаметрально противоположное мнение о разных представителях международной миграции. В то время как миграционные потоки, сформированные анонимной массой беженцев, негативно воспринимаются жителями Словакии, часто как угроза для словацкого общества, миграционное происхождение успешных личностей словаки игнорируют.

«*Давай, ты наша! Спасибо. Спасибо! Настя, ты лучшая!*»[2].

«*Наша Настя – удивительная женщина*»[3].

---

[1] Kazankov O. *Rusi chcú na Slovensku kupovať nehnuteľnosti, no bráni im v tom legislatíva*. Trend, 5.8.2016. URL: https://www.trend.sk/spravy/rusi-chcu-slovensku-kupovat-nehnutelnosti-brani-im-tom-legislativa (дата обращения: 24.09.2021).

[2] Rimaj Š. *Nasťa, si naša!* Pravda, 1.3.2018. URL: https://sport.pravda.sk/zimne-sporty/clanok/460590-zlata-nasta-postavila-bansku-bystricu-do-pozoru/ (дата обращения 30.10.2021).

[3] Danko A. *Naša Nasťa je úžasná žena*. URL: https://www.facebook.com/stranasns/posts/2341392295892844/ (дата обращения 20.01.2021).

Заключение

На основании проведенных исследований можно сказать, что миграционный дискурс как часть словацкого политического дискурса существует только с 2015 г., т.е. с периода массовых миграционных потоков населения некоторых африканских государств и ближневосточного региона. Вопрос безопасности доминирует в словацком миграционном дискурсе. Политики называют мигрантов угрозой безопасности – угрозой для внутренней безопасности, экономики, культуры и политики. В своей статье мы обратили основное внимание на анализ миграционного дискурса в связи с миграцией населения из Российской Федерации. Проанализировав отобранные тексты, мы пришли к выводу, что мигранты из России как участники миграционных процессов 2015 и 2016 гг. по-разному воспринимаются словацким обществом.

Мигранты из России не представляют ни одну из четырех названных угроз словацкому обществу. Сегодня угроза безопасности в основном приписывается религиозным фанатикам, мигранты считаются потенциальными террористами в этом случае. С точки зрения экономической безопасности мигранты рассматриваются как конкуренты на рынке труда и бремя для системы социальной защиты.

Третья угроза носит культурный характер. В этом случае мигранты представлены как представители другой религии, обычно мусульманской, чьи традиции несовместимы с христианскими. Наконец, миграция как угроза носит также политический характер, когда национальное государство – член Европейского союза вынуждено принять миграционное законодательство, несмотря на категорическое несогласие с ним. В этом случае мигранты преподносятся как причина потери национального суверенитета.

Основываясь на этих четырех измерениях угрозы, сделаем вывод, что в случае с мигрантами из России ни одна из представленных угроз от них не исходит, т.е. российские мигранты не представляют экономическую, культурную, политическую угрозу или угрозу безопасности. Напротив, социально-экономическая структура поддерживает терпимость к этому типу миграции среди/со стороны членов внутреннего общества. Русские мигранты, приезжающие в Словакию, имеют схожие со словаками культурную принадлежность и религиозное мировосприятие, близкий язык, хорошее экономическое состояние и в основном качественное образование и профессиональный опыт. Признание русских, проживающих в Словакии, национальным меньшинством также было важным: общественность стала воспринимать русских иммигрантов как коренную часть населения. И последнее, но не менее важное: на отношении к российским переселенцам, возможно, положительно сказалось и то, что по сравнению с другими группами (например, из Укрины) это группа мигрантов немногочисленная.

Список источников

1. *Aleshkovski I., Grebenyuk A., Vorobyeva O.* The Evolution of Russian Emigration in the Post-Soviet Period // Social Evolution & History. 2018. Vol. 17, № 2. P. 140–155.

2. *Iontsev V.A., Ryazantsev S.V., Iontseva S.I.* Emigration from Russia: new trends and forms // R-Economy. 2016. Vol. 2, № 2. P. 216–224.

3. *Pronchev G.B., Kuznetsova I.V., Kolodeznikova I.V.* Intellectual Emigration from Modern Russia // Ad Alta – Journal of Interdisciplinary Research. 2019. Vol. 9, № 1. P. 13–16.

4. *van Dijk T.A.* What is political discourse analysis // Belgian Journal of Linguistics. 1997. Vol. 11, № 1. P. 11–52.

5. *van Dijk T.A.* Discourse and Migration // Qualitative Research in European Migration Studies / ed. by R. Zapata-Barrero, E. Yalaz. Cham : Springer, 2018. P. 227–245.

6. *Goodman S.W.* Integration Requirements for Integration's Sake? Identifying, Categorising and Comparing Civic Integration Policies // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2010. Vol. 36, № 5. P. 753–772.

7. *Millar J.* An interdiscursive analysis of language and immigrant integration policy discourse in Canad // Critical Discourse Studies. 2013. Vol. 10, № 1. P. 18–31.

8. *ÚHCP.* Azyl a migrácia. URL: https://www.minv.sk/?statistiky-20 (accessed: 24.01.2021).

9. *Рязанцев С.В., Сивоплясова С.Ю.* «Русские жены» на международном брачном рынке // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 84–95.

10. *Podmanická Z. et al.* Štatistika v súvislostiach. Hlavné trendy vývoja sobášnosti v SR v roku 2018. Bratislava : ŠÚ SR, 2019.

11. *Blažek M., Andrášová S., Paulenová N.* Skúsenosti migrantov a migrantiek na Slovensku s násilím. Bratislava : IOM, 2013.

12. *Байков А.А, Лукьянец А.С, Письменная Е.Е., Ростовская Т.К., Рязанцев С.В.* Эмиграция молодежи из России: Масштабы, каналы, последствия // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 75–84.

13. *Wilson J.* Political Discourse // The Handbook of Discourse Analysis / ed. By D. Schiffrin, D. Tannen, H.E. Hamilton. Malden and Oxford Blackwell, 2001. P. 398–415.

14. *Buzan B. et al.* Security: a new framework for analysis. London : Lynne Rienner Publishers, 1998.

15. *Wæver O.* Securitization and Desecuritization / ed. by B. Buzan, L. Hansen // International 27 Security. Vol. 3. Widening Security. Los Angeles et al.: SAG, 2007. P. 66–98.

16. *Gerard A.* The Securization of Migration and Refugee Women. London ; New York : Routledge, 2014.

17. *Рязанцев С.В.* Эмиграция из России: к вопросу о понятийном аппарате // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 48–53.

18. *Рязанцев С.В., Письменная Е.Е, Лукьянец А.С., Сивоплясова С.Ю., Храмова М.Н.* Современная эмиграция из России и формирование русскоговорящих сообществ за рубежом // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 6. С. 93–107.

19. *Gallová Kriglerová E., Kadlečíková J., Lajčáková J.* Migranti. Nové pohľady na staré problémy. Bratislava : CVEK, 2009.

20. *Lou N.M., Noels K.A.* Mindsets about language learning and support for immigrants´ integration // International Journal of Intercultural Relations. 2020. № 79. P. 46–57.

21. *Filadelfiová J., Gyárfášová O., Sekulová M., Hlinčíková M.* Migranti na slovenskom trhu práce: problémy a perspektívy. Bratislava : IVO, 2011.

References

1. Aleshkovski, I., Grebenyuk, A. & Vorobyeva, O. (2018) The Evolution of Russian Emigration in the Post-Soviet Period. *Social Evolution & History*. 17(2). pp. 140–155. DOI: 10.30884/seh/2018.02.09

2. Iontsev, V.A., Ryazantsev, S.V. & Iontseva, S.I. (2016) Emigration from Russia: new trends and forms. *R-Economy*. 2(2). pp. 216–224. DOI: 10.17059/2016–2–15

3. Pronchev, G.B., Kuznetsova, I.V. & Kolodeznikova, I.V. (2019) Intellectual Emigration from Modern Russia. *Ad Alta – Journal of Interdisciplinary Research*. 9(1). pp. 13–16.

4. van Dijk, T.A. (1997) What is political discourse analysis. *Belgian Journal of Linguistics*. 11(1). pp. 11–52. DOI: 10.1075/bjl.11.03dij

5. van Dijk, T.A. (2018) Discourse and Migration. In: Zapata-Barrero, R. & Yalaz, E. (eds) *Qualitative Research in European Migration Studies*. Cham: Springer, pp. 227–245.

6. Goodman, S.W. (2010) Integration Requirements for Integration's Sake? Identifying, Categorising and Comparing Civic Integration Policies. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 36(5). pp. 753–772. DOI: 10.1080/13691831003764300

7. Millar, J. (2013) An interdiscursive analysis of language and immigrant integration policy discourse in Canada. *Critical Discourse Studies*. 10(1). pp. 18–31. DOI: 10.1080/17405904.2012.736696

8. ÚHCP. (n.d.) *Asylum and Migration*. [Online] Available from: https://www.minv.sk/?statistiky-20 (Accessed: 24th January 2021).

9. Ryazantsev, S.V. & Sivoplyasova, S.Y. (2020) 'Russian Wives': At the International Marriage Market. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 2. pp. 84–95. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250008496-8

10. Podmanická, Z. et al. (2019) *Štatistika v súvislostiach. Hlavné trendy vývoja sobášnosti v SR v roku 2018*. Bratislava: ŠÚ SR.

11. Blažek, M., Andrášová, S. & Paulenová, N. (2013) *Skúsenosti migrantov a migrantiek na Slovensku s násilím*. Bratislava: IOM.

12. Baykov, A.A., Lukyanets, A.S., Pismennaya, E.E., Rostovskaya, T.K. & Ryazantsev, S.V. (2018) Youth Emigration from Russia: Scale, Channels, Consequences. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 11. pp. 75–84. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250002787-8

13. Wilson, J. (2001) Political Discourse. In: Schiffrin, D., Tannen, D. & Hamilton, H.E. (eds) *The Handbook of Discourse Analysis*. Malden and Oxford Blackwell. pp. 398–415.

14. Buzan, B. et al. (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. London: Lynne Rienner Publishers.

15. Wæver, O. (2007) Securitization and Desecuritization. In: Buzan, B. & Hansen, L. (eds) *International 27 Security*. Vol. 3. Los Angeles et al.: SAG. pp. 66–98.

16. Gerard, A. (2014) *The Securization of Migration and Refugee Women*. London, New York: Routledge.

17. Ryazantsev, S.V. (2018) Emigration from Russia: About Conceptual Categories. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 8. pp. 48–53. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250000761-0

18. Riazantsev, S.V., Pismennaya, E.E., Lukyanets, A.S., Sivoplyasova, S.Y. & Khramova, M.N. (2018) Modern emigration from Russia and formation of Russian-speaking communities abroad. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 6. pp. 93–107. (In Russian).

19. Gallová Kriglerová, E., Kadlečíková, J. & Lajčáková, J. (2009) *Migranti. Nové pohľady na staré problémy*. Bratislava: CVEK.

20. Lou, N.M. & Noels, K.A. (2020) Mindsets about language learning and support for immigrants´ integration. *International Journal of Intercultural Relations*. 79. pp. 46–57. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.08.003

21. Filadelfiová, J., Gyárfášová, O., Sekulová, M. & Hlinčíková, M. (2011) *Migranti na slovenskom trhu práce: problémy a perspektívy*. Bratislava: IVO.

Сведения об авторах:
Штефанчик Р. – доктор политических наук, доцент, декан факультета прикладных языков, Экономический университет в Братиславе (Братислава, Словакия). E-mail: radoslav.stefancik@euba.sk
Шерешова Т. – аспирант, факультет международных отношений, Экономический университет в Братиславе (Братислава, Словакия). E-mail: terezia.seresova@euba.sk

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
Štefančík R. – Dr. Sci. (Political Science), associate professor, dean of the Faculty of Applied Languages, University of Economics in Bratislava (Bratislava, Slovak Republic). E-mail: radoslav.stefancik@euba.sk
Seresová T. – post-graduate student, Faculty of International Relations, University of Economics in Bratislava (Bratislava, Slovak Republic). E-mail: terezia.seresova@euba.sk

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.02.2022;
одобрена после рецензирования 05.05.2022; принята к публикации 11.07.2022
The article was submitted20.02.2022;
approved after reviewing 05.05.2022; accepted for publication 11.07.2022